

Чуковский. Живой как жизнь

(фрагмент)

(1)Наш язык до сих пор ощущается многими как некая слепая стихия, которой невозможно управлять.

(2)Одним из первых утвердил эту мысль гениальный учёный В. Гумбольдт. «(3)Язык, — писал он, — совершенно независим от отдельного субъекта... (4)Перед индивидом язык стоит как продукт деятельности многих поколений и достояние целой нации, поэтому сила индивида по сравнению с силой языка незначительна».

(5)Это воззрение сохранилось до нашей эпохи. (6)Сколько ни скажи разумных слов против глупых и наглых слов, они — мы это знаем — от того не исчезнут, а если исчезнут, то не потому, что эстеты или лингвисты возмущались», — так писал один даровитый учёный. «(7)В том и беда, — говорил он с тоской, — что ревнителей чистоты и правильности родной речи, как и ревнителей добрых нравов, никто слышать не хочет... (8)За них говорят грамматика и логика, здравый смысл и хороший вкус, благозвучие и благопристойность, но из всего этого натиска грамматики, риторики и стилистики на бесшабашную, безобразную, безоглядную живую речь не выходит ничего». (9)Приведя образцы всевозможных речевых «безобразий», учёный воплотил свою печаль в безрадостном и безнадежном афоризме: «Доводы от разума, науки и хорошего тона действуют на бытие таких словечек не больше, чем курсы геологии на землетрясение».

(10)В прежнее время такой пессимизм был совершенно оправдан. (11)Нечего было и думать о том, чтобы дружно, планомерно, сплочёнными силами вмешаться в совершающиеся языковые процессы и направить их по желанному руслу. (12)Старик Карамзин очень точно выразил это общее чувство смиренной покорности перед стихийными силами языка: «Слова входят в наш язык самовластно».

(13)С тех пор крупнейшие наши языковеды постоянно указывали, что воля отдельных людей, к сожалению, бессильна сознательно управлять процессами формирования нашей речи.

(14)Все так и представляли себе: будто мимо них протекает могучая речевая река, а они стоят на берегу и с бессильным негодованием следят, сколько всякой дребедени несёт на себе её волны.

—(15)Незачем, — говорили они, — кипятиться и драться. (16)До сих пор ещё не было случая, чтобы попытка блюстителей чистоты языка исправить языковые ошибки сколько-нибудь значительной массы людей увенчалась хотя бы малейшим успехом.

(17)Но можем ли мы согласиться с такой философией бездействия и непротивления злу? (18)Неужели мы, писатели, педагоги, лингвисты, можем только скорбеть, негодовать, ужасаться, наблюдая, как портится русский язык, но не смеем и думать о том, чтобы мощными усилиями воли подчинить его коллективному разуму?

(19) Пусть философия бездействия имела свой смысл в былые эпохи, когда творческая воля людей так часто бывала бессильна в борьбе со стихиями — в том числе и со стихией языка. (20) Но в эпоху завоевания космоса, в эпоху искусственных рек и морей неужели у нас нет ни малейшей возможности хоть отчасти воздействовать на стихию своего языка?

(21) Всякому ясно, что эта власть у нас есть, и нужно удивляться лишь тому, что мы так мало пользуемся ею. (22) Ведь существуют же в нашей стране такие сверхмощные рычаги просвещения, как радио, кино, телевидение, идеально согласованные между собой во всех своих задачах и действиях. (23) Я уже не говорю о множестве газет и журналов — районных, областных, городских, — подчинённых единому идейному плану, вполне владеющих умами миллионов читателей.

(24) Стоит только всему этому целенаправленному комплексу сил дружно, планомерно, решительно восстать против уродств нашей нынешней речи, громко заклеить их всенародным позором — и можно не сомневаться, что многие из этих уродств если не исчезнут совсем, то, во всяком случае, навсегда потеряют свой массовый, эпидемический характер...

(25) Правда, я очень хорошо понимаю, что всех этих мер недостаточно.

(26) Ведь культура речи неотделима от общей культуры. (27) Чтобы повысить качество своего языка, нужно повысить качество своего сердца, своего интеллекта. (28) Иной и пишет, и говорит без ошибок, но какой у него бедный словарь, какие заплесневелые фразы! (29) Какая чудосочная душевная жизнь отражается в них!

(30) Между тем лишь та речь может по-настоящему называться культурной, у которой богатый словарь и множество разнообразных интонаций. (31) Этого никакими походами за чистоту языка не добьёшься. (32) Здесь нужны другие, более длительные, более широкие методы. (33) Для подлинного просвещения создано столько библиотек, школ, университетов, институтов и т. д. (34) Поднимая свою общую культуру, народ тем самым поднимает и культуру своего языка.

(35) Но, конечно, это не освобождает любого из нас от посильного участия в борьбе за чистоту и красоту нашей речи.

(По К. И. Чуковскому*)

* Чуковский Корней Иванович (настоящее имя — Николай Васильевич Корнейчуков, 1882—1969) — русский советский поэт, детский писатель, литературовед, публицист, журналист, литературный критик, переводчик.